

Париж
без
табу

Марк Довлатов

Марк Довлатов

Париж без табу. Секс-рассказы

«Издательские решения»

Довлатов М.

Париж без табу. Секс-рассказы / М. Довлатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961054-6

Как вы думаете, где лучше всего заниматься любовью? На роскошной кровати? В море или бассейне? В лифте? А под Эйфелевой башней вы пробовали? Нет? Тогда вам еще есть, чего хотеть. Но помните: за все нужно платить — и совсем не деньгами. Перед вами продолжение эротических приключений Майкла Дуридомова и его персональной Венеры

ISBN 978-5-44-961054-6

© Довлатов М.
© Издательские решения

Содержание

Париж без табу	6
Похищение Европы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Париж без табу Секс-рассказы

Марк Довлатов

Фотограф Lesha Pux

Фотограф Szilard Szabo

© Марк Довлатов, 2020

© Lesha Pux, фотографии, 2020

© Szilard Szabo, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4496-1054-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Париж без табу Секс-рассказы

*Сексуальным отклонением можно считать
только полное отсутствие секса,
всё остальное – дело вкуса.
(Зигмунд Фрейд)*

Похищение Европы

*У каждого человека есть желания,
которые он не сообщает другим,
и желания, в которых он не сознаётся даже себе самому.
(Зигмунд Фрейд)*

Михаил Дуридомов сидел на террасе своего номера, курил первую сигарету и смотрел, как восходит солнце над Эгейским морем. Абсолютно белые домики уступами спускались к морю, глубокая, почти вангоговская, синь которого вносила в его душу покой и умиротворение. Одноместные корпуса отеля раскинулись на склоне горы и были похожи на разобраный кубик Рубика: другие номера давали заметить лишь свои крыши, углы, краешки стен – он был один, только солнце его видело да ворона, сидевшая неподалеку. Кожа его уже покрылась бронзовым загаром, ему вспоминались статуи Поликлета, он вытянул ноги, запрокинул голову и закрыл глаза, впитывая в себя золотые молекулы энергии древнего светила. *Вот ты и опять на море, Майкл. И говорят, что именно здесь была Атлантида, а потом Санторин взорвался, и она опустилась на дно моря. Поднялась огромная волна, которая уничтожила могучую морскую державу Крита. Остался только лабиринт, в закоулках которого еще долго бродил несчастный Минотавр. Проведать его, что ли. Хорошо там было. Да.*

За дверью послышался шорох, он загасил сигарету и вошел в комнату. На широкой белоснежной постели разметала по подушке медно-рыжие волосы девушка, она поворачивала голову из стороны в сторону, переворачивалась с одного бока на другой, двигала ногами, сгибала колени; одеяло сползло на пол и открыло его взору обнаженную золотисто-розовую фигуру, она свернулась калачиком, засунув ладони между бедер. Девушка застонала, перевернулась на спину, потянулась и открыла глаза.

- Привет, Бельчонок.
- Мишка. Я кончила.
- Да я так и понял. Не могла меня позвать.
- Я думала, ты со мной.
- Так прямо и думала.
- Мне сон приснился.
- И что там было.
- Ну он стыдный.
- Ну ты же уже отстыдилась. Рассказывай.
- Ну как такое может сниться. Ужас какой-то.
- Может, не такой уж и ужас?
- До сих пор стыдно.
- Чего?
- Иди сюда. Сними трусы. О, а ты чего торчишь?

- На тебя смотрел.
- Ну падлец ты у меня редкий! Подглядывал, как я... во сне...

Михаил стоял у кровати, а Бэла ладонями гоняла его член вправо-влево и вверх-вниз, член вибрировал, пружинил и неизменно возвращался в горизонтальное положение, она сдвигала шкурку назад, сжимала головку, трогала вертикальную щель ногтем, перебирала пальцами мошонку.

- Ну красавец! Ложись, поцелуй меня.
- Ну раздвинь ножки.
- Неее, в губы.
- Так и я про губы.
- Ну Мишка!
- Ну покажи.
- Нет! Я девушка скромная. Ты же знаешь.
- Я знаю. Ну дай хоть рукой потрогаю. Мокрая вся.
- Ну мокрая. Что тут такого.
- Да ничего. Это прекрасно.
- Ну ляг на меня. Я хочу тебя поцеловать. Да не пристраивайся туда! Просто полежи.

Вот. В живот теперь уперся. Ты меня любишь?

- Ни-ска-жу.
- Ну скажи!
- А ты раздвинь ножки.
- Ладно. Только ты туда не заходи сейчас.
- Ладно. Я посмотрю просто.
- Смотри.

Михаил скатился на левую сторону и сел на постели, девушка забросила руки за голову и раздвинула ноги.

- Какая ты у меня красивая, Белка.
- Там?
- Нет. Я люблю, когда ты так лежишь. Расслабленная. Соски смотрят в потолок. Губы блестят. Ни капли стыда. Как у Венеры.
- Так она бесстыдница была?
- Она была богиня.
- И что, она вот так и лежала все время? Прямо на Олимпе?
- Я думаю, что с тебя можно писать картину. «Отдыхающая Венера, только что соблазненная Адониса».
- Мишка. Ну это стыдно, такая картина. Где ее повесить.
- Да, Венеру Тициана в Испании завешивали гардиной в присутствии дам. Хотя она там несколько в другом ракурсе.
- Сзади? Лошадкой стоит? А он что?
- Сзади. Со спины. Пытается соблазнить Адониса. Обнимает его.
- А он что, не хотел? Богиню?!
- Да он только о лошадях думал, об охоте.
- Ну что за дурак.
- Ужасный. Зато Шекспир его в поэму вставил.
- Так он ей хоть вставил?
- Нет.
- Так про что поэму-то писать?
- Нууу... Неудовлетворенная страсть.
- Ой, это ужасно! По себе знаю. Но сейчас я удовлетворенная. А ты говоришь...

- Так может тебе во сне приснилось, что вставил.
- Ну нет! Совсем другой был сон!
- Про что?
- А ты меня не разлюбишь?
- Да никогда!
- Мне снилось... что я сосала член.
- Чей.
- Ну твой, чей же еще.
- И от этого ты кончила?
- Нет. Не от этого.
- А от чего.
- Ты помнишь тот пляж нудистский, что ты меня возил на Ривьере? Там все голые ходили. И вытворяли всякое. На глазах у всех. Трогали друг друга. И даже сосали. Помнишь?
- Конечно. Но ты же этого не делала.
- Мишка! Ну ты что, правда, хотел, чтобы я у тебя на пляже отсосала?!
- Не знаю, Бельчонок.
- Ну не ври мне, Мишка! Признавайся! А то откручу сейчас!
- Нууу... ты понимаешь...
- Ну!
- Если бы положить на две чаши весов «хотел-не хотел», то ни одна бы не перевесила.
- Что-то ты намутил!
- Когда я видел, как это делали другие... мне тоже хотелось... чтобы такая красавица это сделала. А я бы гордился. Я же не Адонис. Я не могу устоять перед Венерой.
- Так ты хотел?!
- Хотел. И не хотел.
- Почему?
- Потому что я бы тогда как бы отдал тебя всем... даже просто визуально.
- Так что же делать с чашами? Весов.
- Не знаю, Бельчонок. А почему ты вспомнила.
- Сказать?
- Скажи.
- Поклянись, что ты меня не бросишь.
- Клянусь.
- Потому что мне это приснилось. Как я сосала твой член. На пляже. А ты говорил, что сон – это исполнение желания.
- Вот ты глупая у меня. Это же прекрасно.
- Что?
- Что в тебе есть такое желание. И что ты видела такой сон... И кончила от этого. Это же не на самом деле. Что тут стыдного. Фрейд рассказывал, что даже знатным дамам такое снилось.
- Мишка.
- Ну что, маленькая. Не волнуйся, все хорошо.
- Я думаю, я не от того кончила, что член сосала.
- А от чего?!
- От того, что все на меня смотрели. Я сосала... сосала... а они смотрели... смотрели... и я...
- И тебе это нравилось?!!!
- Да. Но так стыдно было.
- Что тебе это нравилось, стыдно было?

– Нет. От того, что я голая стою на коленях и сосу член, а они все смотрят. А у меня прямо все ляжки мокрые. И они это видят. Как струйки стекают. И трогают свои стручки. На меня. Кошмар! Ну зачем я тебе это говорю?! Ты меня не бросишь?

– Да погоди. Так тебе было стыдно или нравилось?

– Было стыдно. И нравилось. Ужасная я, да?

– Какой афронт!

– Какой еще афронт? Не было у меня никакого афронта. Я просто кончила во сне. И все.

– Я думал, что ты кончила от того, что мой член сосала, а тебе нравилось, как на тебя мужики драчили!

– Ну Мишутка! Не говори так! Ну я сама уже не знаю. Такой сон дурацкий. Я не виновата. Это все Фрейд твой. Ну конечно, от того! Он же у тебя был такой большой! Такой красивый! Я так хотела! Его. И чтоб остальные от зависти умерли. Со своими крохотными пицундриками.

– Вот ты брихуха малая!

– Ну что ты, мой хороший, ну я правду говорю! Ну иди ко мне, дай мне его. Вот он, мой сладкий, мой торчунчик любимый, иди сюда, ты же хочешь, я вижу, щас мы тебя поцелуем немножко... Мишка, я не хочу на коленях сейчас. Давай ты будешь сверху... я хочу тебя подоить... себе в рот... пососать... вот... давай... Ой, ну заляпал всю!

Михаил откатился в сторону, распластался на спине, тяжело дышал, а Белка лежала рядом, опершись на руку, облизывала губы и тихонько шевелила рукой у него в паху.

– Ну вот видишь, все хорошо, теперь и ты расслабился. Нет, он торчит еще. Ну ложись уже, ху*ще мой любимый, бычачий ты конячий, мой вкусный... Мишка!

– Что, Бельчонок.

– Я опять захотела! От этого! Видишь! А никого и не было! Давай быстренько ты теперь. Иди вниз. Вот... хорошо... теперь ты пососи... сильнее... силь... ааааааааа!!! Все!!! Пусти!

Белка сжала бедрами лицо Михаила и задвигала ими из стороны в сторону, потом раздвинула ноги, прижала к себе его голову и, выдохнув, оттолкнула.

– Ой, ну что-то на меня нашло такое сегодня, прямо не знаю, никогда такого не было. Есть хочу! Умираю просто!

– Можно сюда заказать.

– Так закажи! А я в душ. Только много всего.

– И бананы?

– Палучишь ты у меня!

Михаил заказал завтрак, сидел на террасе, курил и думал: *Ну почему она тебя так возбуждает, эта простая мухосранская девчонка. И уже не один год. Но она же изменилась. Да. Она вся стала как цветущая вишня на склоне Фудзи. И все это замечают. А ей это нравится. Ну и нравится, что ж тут такого. Так и должно быть. Женщина должна нравиться всем, а принадлежать одному. Так ты гордишься, Майкл? Гордюсь, конечно. И ничего в тебе не ёкает, когда на нее другие смотрят? Ну бывает, что греха таить. Сколько раз... И по заднице получала за свое верчение хвостом. А сон ее? Так ты же сам ее туда привез, сам хотел, чтобы она разделась, сам видел, как на нее... Получается, что ты сам ее к этому толкаешь. Да ну. Ну а как. Черт его знает. Ты сам в ней пробудил чувственность, она из нее теперь просто фонтаном бьет, в этом ее главная привлекательность и есть. Ну и ноги, конечно. Грудь. Попка. Глаза. Все это есть. Но это есть и у Барби, а Белка... Даааа. Повезло тебе. Что есть, то есть.*

Раздался стук в дверь, Михаил набросил халат, открыл дверь номера, впустил стюарда с тележкой, дал ему монету и сам укатил тележку на террасу. Пришла Белка в коротком белом махровом халате и стала расставлять на столике тарелки и все прочее.

– Ты вся свежая, как утренняя заря.

– Да? Хорошо выгляжу?

– Прекрасно выглядишь. Как будто кончила только что. Пару раз.
– Вот убью уже тебя щас, будешь знать! Щелкни меня моим телефоном.
– Да запахни халат!
– Нормально так, ничего не видно. Давай я вытяну ноги... и возьму банан... раскрою его... И чтоб море было видно! Получилось? Нормально вроде. Повешу в фейсбук, пусть девки наши умрут. Как этот остров называется? Ага, он уже сам высветился. Все. Я ем. И ты ешь. И сливок побольше в кофе добавь, тебе полезно. О, уже коммент. «Богиня утренней зари». Да это ты, Мишка!

– Ну удали.
– Ну чиво. Мне приятно. Ты правда так думаешь?
– Ну разве я тебя когда обманывал.
– Нет.
– Мы же всегда говорим друг другу правду.
– Да...
– А у тебя же под халатом ничего нет?
– Ну нет.
– И ты хотела, чтоб такое фото все видели.
– Так никто же не знает.
– Но догадываются.
– Да пусть их. Мне-то что.
– Ну так... немножко... возбуждительно?
– Нууу... я и не думала об этом. Просто мне хорошо сейчас. Море такое синее. Вкусное все. Съем еще круассан, как ты думаешь? Смотри, что тут еще есть. Взбитые сливки с шоколадом. Ой, умереть не встать! Но не буду. На, ты съешь. Давай, быстренько. Слушай, Мишка, а у тебя же под халатом тоже ничего нет?

– Нет.
– Иди сюда, встань за мной. Тааак... ворот чуть расправить... чуть пошире... Смотри в камеру! Вот, теперь мы вдвоем. Тоже повешу. И пусть себе догадываются, что ты мне членом в спину уперся. Что он у тебя торчит. У меня на странице. Догадаются, как ты думаешь? Смотри, уже лайкают девчонки.

– Я тебе говорил, что я тебя люблю?
– Нет. Никада не говорил.
– Вот говорю.

Они оба уставились в экраны своих смартфонов. Под его комментарием на странице Белки он увидел ответ: поцелуй и сердечно, ему стало тепло в груди, он репостировал обе фотографии к себе и посмотрел на девушку. *Ну что мы делаем? Перед тобой сидит живая богиня, свежая и сочная, только что она пробовала тебя на вкус, а ты – ее, а теперь тебя радует ее ответ: вот, все увидят. Ну какая дурня! Ну разве в этом счастье. Ты размениваешь это прекрасное утро на такую ерунду. Брось.* Он положил телефон на стол, опустился на пол, провел ладонями по икрам Белки, стал целовать ее колени, провел руками по бедрам, раздвинул полы халата, развязал пояс, припал губами к животу девушки, поднялся, поймал губами ее левый сосок, а рукой – правый, поднялся еще выше, приник к ее шее, она подставила ему губы, он оторвался через минуту с сожалением, вернулся в кресло и закурил. Белка двигала ступней по его голени, подняла ее вверх, уперлась ему в пах, забралась под халат и задвигала там пальцами, член его поднялся, ступня девушки прижала его к животу и надавила на основание головки большим пальцем.

– Нравится? Развяжи пояс, я тебя так щелкну. А то все ты меня. Вот, буду девчонкам показывать. Чтоб завидовали.
– Белка, ты меня так сделаешь фут-фетишистом.

- Это еще кто такие. Футишисты.
- Нууу... это такие... а ну давай двумя ступнями... они... им нравится... когда... им... сильнее... еще... ух, блин!
- Мишка, ты мне на ноги кончил. Первый раз.
- Да. А ты первый раз так делала.
- Тебе понравилось?
- Я думаю, что если бы ты пошла работать в инквизицию, а я стал еретиком, то мне и тогда бы понравилось.
- Правда? Почему?
- Потому что мне нравится все, что ты делаешь со мной. Потому что я хочу, чтобы ты все время хотела что-нибудь со мной делать. Не то, что ты думаешь, что это должно мне понравиться, а то, что ты хочешь сама.
- Ну я и хотела сейчас. И сделала. А сейчас я хочу еще кофе. Со сливками.
- Белка опустила ноги, налила в чашку кофе, положила сахар, размешала, вынула ложку, облизала ее, стала на колени перед Михаилом и собрала с его живота ложкой сперму, опустила ее в чашку и помешала, запахнула халат и поднесла чашку к губам.
- Щелкни. И повесь к себе на страницу.

Михаил дрожащими руками открыл камеру, сделал несколько снимков, выбрал лучший и разместил его на своей странице в фейсбуке. Белка взяла свой телефон, открыла его страницу и написала под фото: «Вкусно!» Они смотрели друг другу в глаза, в уголках начали складываться морщинки, губы их раздвинулись в улыбку.

- Ну как я тебя.
- Замечательно. С меня бонус.

- Да? А какой?
- Любой.
- Ладно, я подумаю.
- А пить будешь? Кофе.
- Чтоб ты не сомневался! А то фото будет не настоящее. А у нас же с тобой все настоящее?
- Да, моя хорошая, все.
- Пошли в душ? Только ничего там делать не будем!
- Да никогда!

Они вышли из отеля и направились к фуникулеру. Белка надела легкий сарафан цвета маков с открытой спиной и широкой короткой юбкой, Михаил был в драных джинсовых шортах и футболке, на которой Ангус Янг в своем школьном костюмчике прыгал на одной ноге, оперев гитару в живот, как здоровенный эрегированный член.

Пляж был покрыт почти черным вулканическим песком, свободные места под тростниковыми зонтиками еще были, волны прибоя, откатываясь назад, звали их к себе, манили легким эротичным шепотом. Они вошли в воду, держась за руки, поплыли, солнце забрызгивало их зайчиками, море слегка качало, рыбы мелькали в глубине, облака в небе складывались в фигуры Камасутры. Они остановились далеко от берега, болтая ногами, повернулись друг к другу, ничего не говорили, только слегка соприкасались руками и ногами.

- Как хорошо, Мишка!
- Да. Ничего не может быть лучше.
- Я так давно хотела на море. Так утомила вся эта суета, работа эта.
- Хорошо, что мы тут никого не знаем. Не люблю шумных компаний на море.
- А мне никто больше и не нужен.
- Полежим на спине?
- Ну давай.
- А ты развяжи тесемки и побудь голой. А потом завяжешь.
- Ладно.

Бэла развязала тесемки купальника, легла на спину и разбросала в стороны руки и ноги; она закрыла глаза, сапфировое море омывало ее гладкую кожу, рыжие волосы тихо шевелились в воде, Михаил впитывал взглядом все ее выступы и впадины, такие знакомые и желанные, но непознанные до конца за столько лет; желание возвращалось к нему. Девушка открыла глаза и опустила ноги вниз.

– А ну ты полежи. Вот, опять надулся. А ну, я его достану... Боже, да тебя с берега увидят! Торчишь как маяк.

Михаил вернулся в вертикальное положение.

– Я никак не могу тебя наесться, Бельчонок. Никак не могу на тебя насмотреться. Лучше тебя нет никого на свете.

– Так может ты меня немножечко люуубишь?

– Ты моя любимая девочка. Моя золотая рыбка. Моя Венера, еще не вышедшая из моря, и поэтому вся только моя.

– Я вся твоя, Мишка. Ты разве не знаешь? Я только твоя.

– Знаю, маленькая. Но ты такая красивая, что я все время боюсь, что тебя у меня украдут.

– А ты меня найдешь и спасешь. Как Персей... эту... ты рассказывал...

– Андромеду.

– Да. И убьешь всех драконов. И освободишь меня.

– Из оков?

– Да.

- А может мы тебя не сразу освободим?
- Ну чиво.
- Нууу... сначала так пристроимся... пока ты к скале прикованная.
- Ага! Тебе бы только пристроиться!
- А ты против?
- Нет. Хочешь я...
- Хочу.

Белка резко нырнула, брыкнув в воздухе ногами, в воде замелькали пузырьки, судорога пронзила пах Михаила; девушка вынырнула и ухватилась за его плечи.

- Ну такой ты соленый весь, Мишка!
- Ну иди, обними меня ногами. Садись на него. Тааак... Подвигайся немного.
- Мишка! Ну обязательно меня за попу трогать?
- Ну хочется. Давно мы тебя там не мучили. Вот можно после дракона... пока ты при-

вязанная...

- Ну Мишунчик, ну щекотно! Ну пусти!
- Потом?
- Ну ладно! Пусти!
- Кончишь?
- Нет. Мне и так хорошо. Просто приятно тебя там чувствовать. Побывать беременной

желанием. А потом...

– У тебя глаза светятся. Просто сверкают. Если бы время сдвинулось на пару тысяч лет назад, и ты такая вышла из воды, минойцы бросились бы высекать тебя из мрамора и строить тебе храмы.

- Ты думаешь?
- Я уверен просто.
- А ты бы что делал?
- А я первый принес бы тебе на алтарь гирлянду цветов и воскурил фимиам.
- Ты иногда так красиво говоришь, Мишка.
- Слова не могут тебя описать. Разве что Гомер смог бы. А я кто.
- А ты мой любимый Дуридом.
- Поплыли назад?
- Ну давай.
- Да купальник не забудь завязать, а то на пляже обалдеют все и на ютуб сразу выставят.
- Ну Мишка! Палучишь ты у меня!

На берегу они улеглись на лежаки, Михаил голодным взглядом глядел на круглую попку Белки, прикрытую лишь тесемкой с маленьким треугольником; он не смог удержаться, провел ладонью по бедру девушки, поднял ее вверх, дошел до спины, до шеи, потом упал на живот, достал сигарету и закурил. *Неужели когда-нибудь такое будет, что у вас будет супружеский секс по субботам, она будет думать о своем, лежа на спине, а ты, исполнив долг, завалишься спать. Да лучшие умереть! Лучшие бы я умер сейчас, здесь, пока желание рвет плавки. Да, и боги забрали бы тебя на Олимп... А греки изваяли бы тебя из бронзы с торчащим членом... и украшали бы венками. Тебя? Или его? Его, конечно. Господи, какая сигарета вкусная. Какая у тебя девчонка классная. Какая жизнь прекрасная. Вот ты уже и поэт. Дааа, до Гомера чуть-чуть осталось. А что они там у него ели? Быков жарили целиком и ели. Черт, я бы щас целого быка съел!*

Они вернулись в город, побродили по узким улочкам, нашли таверну, в которой еще не были, заказали салат, козьего сыра и всякой рыбы. Запивали они все это местным белым вином, потом пили кофе, сидели под тентом вытянув ноги, разглядывали прохожих, гово-

рили ни о чем. Михаил из-под темных очков отмечал каждый мужской взгляд, прошедшийся по ногам Белки, пытался даже считать, но сбился.

– Мишка.

– Да, маленькая.

– А у меня сумки нет к этому платью.

– Именно к этому? Какой ужас. А ты сидишь тут... а последнюю сумку сейчас уже покупают...

– Ну Мишка! Ну я хочу новую сумочку!

– Какую?

– Ну откуда я знаю?!

– Ага. Так это надолго. К ужину вернемся?

– Ну вот какой ты все-таки!

– Да я что. Пошли поищем.

Они неспешно двинулись к центру, заглядывали в маленькие лавочки, Белка перебирала сумки, прикладывала к платью, требовала оценить; Михаил хвалил все.

– Ты специально так! Чтобы быстрее вернуться и завалиться спать! Нет ни одной сумки на этом острове!

– Да вон уже и торговый центр. Там должно быть больше.

Они дошли и до центра, и Михаил с тоской посмотрел на четыре его этажа.

– Белка. Иди походи сама. Я тут посижу.

– Ага, а если я не смогу выбрать?!

– Ну купишь две.

– Да? Ну я пошла.

Михаил побродил по площади, позаглядывал в витрины, увидел кафе со столиками на террасе и уселся за один из них. Подошел бармен, он заказал пива, отхлебнул из запотевшего бокала и со вкусом закурил. Взгляд его механически отметил бычачью морду эмблемы «доджа» на стоянке слева, номера были греческие. *Вот, а говорят, что они плохо живут... тачки американские покупают... Ну и ты тоже... у тебя даже лучше... немецкая, правда. Так я ж работаю. Не покладая рук. Надо посмотреть, кстати, как там наш сайт.*

Он открыл в смартфоне браузер и загрузил свой сайт, на котором продавались электронные гаджеты и эротические игрушки, кликнул на статистику и углубился в цифры. Цифры были приличными, все потихоньку продавалось, он загасил сигарету, допил пиво, не удержался и зашел на фейсбук. Последние фотографии на странице Белки пестрели комментариями. *Господи, да кто ж они все такие. Сердечки вешают, дурь всякую пишут... Ну да черт с ними.* Он открыл свою страницу – Белка была на месте, улыбалась с чашкой кофе у рта. «Вкусно!» *Ты понимаешь, ей вкусно. Что тебе еще надо. Пусть себе ей пишут, что она красавица, а она потом придет к тебе и... А где это ее черти носят, твою красавицу?!*

Михаил посмотрел на часы, нахмурился и решил, что придется вызывать грузовик для сумок. *Ну женщины... все они такие. Пойти ее поискать, что ли.*

Он расплатился, добрал до центра и нырнул в его утробу. Внутри было прохладно, не очень шумно, он свернул налево и побрел вдоль прилавков. Вся эта мишура не привлекла его внимания, *надо будет потом сувениров где-нибудь купить. Но не здесь. Спать чего-то охота. И где ее тут искать. Ну совсем облом. Во, туалет. Надо сходить, да и вернуться.*

Кафе располагалось как раз напротив выхода торгового центра, он опять заказал пива, закурил, и краем глаза заметил, что «доджа» уже нет. Второй бокал пился медленней, сигарета дымилась меж пальцев, ноги грело солнце, неудержимо клонило в сон. *Ну что ж ты будешь делать с этими клятыми сумками. Так бы повалялись сейчас классенько... в номере... под кондиционером... с закрытыми шторами... даже ничего бы и не делали... только бы она была рядом... а ты бы гладил ее кожу... а она... Да где ж она есть, в конце концов?!*

Он достал телефон и написал смску: «Ты жива? Или тебя в лабиринт увезли? Или погибла под обвалом сумок?». Он закурил новую сигарету, услышал уведомление о доставке, посмотрел на группу туристов, отметил несколько пар красивых женских ног, телефон завибрировал. «Возвращайся сам поспи я буду позже наберись сил ты мне еще будешь нужен». У него отлегло от сердца, он расплатился и быстро пошел в отель. Через пятнадцать минут от уже успел принять душ, прикрыть штору и развалиться на белоснежной постели. *Нужен, это хорошо... это просто замечательно...*

Михаил открыл глаза и сел на кровати: за окном был вечер, в номере он был один. Он схватил с тумбочки телефон и набрал номер Белки. «Абонент временно недоступен». *Ну твою ж мать, вот я этому абоненту!* Он взял сигареты, вышел на террасу и закурил. *Так, что делаем. Надо идти ее искать. В полицию заявить... приметы... фото... Ага, фото у тебя есть. С кофе. Давай, Майкл, двинули.*

Он вернулся в комнату, натянул джинсы, *отлить надо*, свежую футболку, похлопал себя по карманам и двинулся к двери. Раздался стук, он резко открыл дверь – на пороге стояла Белка, щеки ее приближались по цвету к платью, она вошла в номер и упала в кресло.

- Ну я тааак устала!
- Ты где была?!?! Ты на часы смотрела?!
- Ну я не смотрела, Мишутка, ну не злись.
- А телефон чего молчит?!
- Ну он разрядился.
- А сумка где?!
- Сумка? Ах, сууумка. Ты знаешь, я без тебя не смогла выбрать. Все эти продавщицы... так надоели! Тычут мне что-то и не видят, что мне надо совсем другое! Ну такие дуры! Ужас просто. Зайдем завтра опять?

– Получишь ты у меня по заднице! Сегодня!

Михаил выскочил на террасу и попытался закурить, сигарета сломалась, он вытащил другую и судорожно втянул в себя дым. *Так, уймись, Майкл, все хорошо... продавищицы дуры... все хорошо... что за, бл..., сигарета такая короткая!*

– Миииша! Я в душ!

Солнце садилось в море, ветерок приятно остужал голову, сердце перестало прыгать в груди. *Ну как можно на нее злиться. Она сейчас голая, розовая вся, мокрая... Ты можешь прямо сейчас... а как она утром... а в море... Ну где ты еще такое найдешь... Сокровище? Ну да. Что б ты без нее был в своем Мухосранске? Для кого бы деньги зарабатывал. Тебе они и на хрен не нужны. А так... Короче, надо закурить.* Михаил положил ноги на столик, закурил новую сигарету и стал смотреть на море. Покой разливался по нему, мышцы расслаблялись, он вспомнил, как потерял Белку в «Минотавре» на Крите, как бегал по лабиринту, искал ее в закоулках бара для поклонников БДСМ, как нашел ее распятую на кресте с задраным подолом, как грохнул по спине парня в маске быка треногой, освободил девушку, как они бежали по улицам Гераклиона, а потом в номере... *Ох и задал ты тогда ей жару! Она аж пиццала и кончала без перерыва, адреналин булькал в крови, и вы такое вытворяли... И ты вытащил потом ее на газон, голую, всю в твоей сперме, и она лежала там, раскинув ноги... Дааа, а потом еще и в душе... Что-то долго она в душе.*

В комнате зацокали каблуки, и на пороге остановилась Белка: волосы ее были подняты в высокую прическу, два локона спускались к ушам, плечи и руки были голые, в ушах и на шее колыхались жемчужины, дальше шло черное короткое коктейльное платье, длинные ноги заканчивались черными замшевыми туфлями на шпильках; в руке она держала маленькую черную сумочку.

– Пора ужинать, Миша. Идем?

- Белка.
- Чтооо?
- Когда это ты успела?!
- Ну вот такая я у тебя быстрая. Как я тебе?
- Умереть не встать!
- Платье нравится?
- Слушай... а повернись-ка... нагнись-ка вперед...
- Ну Мишка! Ну перестань!
- Ну я теперь так и буду со стояком ужинать?!
- А ну-ка, покажи... Да, удачное платье. Пошли.

Они неспешно двигались по вечернему городу, Белка держала Михаила под руку, ему хотелось обнять ее за талию, но она не давала. Горели фонари, люди за столиками разных харчевен орудовали ножами и вилками, было тепло, но уже не душно. Они вышли к центру, напротив торгового центра стояло двухэтажное белое здание с синим куполом.

- А это что такое, Мишка?
- Это? Щас посмотрим. Это музей местный. Вон афиша. Выставка какая-то. Художник.

Микис Теократис.

- Давай зайдем?
- В музей?! Ты же есть собиралась.
- А людей везде полно. Мы посмотрим, люди рассосутся, и мы пойдем есть.
- Ну ладно. Давай зайдем.

Михаил купил билеты, и они зашли. Из вестибюля открывался через арку большой зал, уставленный предметами минойской культуры: глиняные амфоры, посуда, небольшие статуэтки, бронзовое оружие, шлемы и панцири – все это было расставлено на небольших постаментах, покрытых стеклянными кубами. В центре зала стояла массивная женская каменная статуя, головы у нее не было, могучие бедра держали крепкий торс с огромными грудями.

- А это кто, Мишка?
- Это богиня-праматерь. От нее пошел весь род людской.
- А чего у нее сиськи такие толстые.
- Это символ плодородия, Бельчонок.
- Да? Какой-то такой символ...
- Какой.
- На гамбургер похож. В Макдональдсе его поставить нужно.
- Нууу... люди тогда часто голодали. Вот у них и был такой символ. Сытый.
- Не, уж лучше я буду голодная.
- Ну что ты все на себя примеряешь, Белка. Пошли дальше.

Еще два зала представляли средневековое искусство и новое греческое. В четвертом зале толпилось достаточно много людей. Зал был увешан картинами, явно современными, все они были в простых белых рамах, написаны широкими мазками, не передававшими детали, но захватывавшие глаз цветовой гаммой. У дальней стены люди стояли кружком, в центре которого на подрамнике находился большой холст, возле него с кистью и мольбертом работал грек с седыми волнистыми волосами.

- Интересно как. Прямо перформанс.

Картина была практически закончена. Почти всю ее покрывали синие волны моря, в центре была фигура плывущего белого быка, на спине у которого сидела, обняв его за шею, обнаженная рыжеволосая девушка, длинные ноги ее были согнуты в коленях, из-под правой руки видна была коническая грудь с темным соском, лицо было повернуто к зрителю.

- Классная попка. На твою похожа. Это явно «Похищение Европы».

– Ну все-то ты у меня знаешь, Мишка.

– Да. Зевс, обернувшийся быком, пригласил покататься Европу, гуляющую на берегу, и увез ее. Говорят, что на этот самый остров. И уж тут они... времени зря не теряли. Я так думаю.

Художник положил на холст еще несколько мазков, бросил кисть в ведро, повернулся к залу и поклонился. Все дружно захлопали, появились девушки с подносами, уставленными высокими бокалами с шампанским, гости разобрали бокалы, заговорили между собой, подошли к художнику, обнимали его, все улыбались. Михаил добыл два бокала.

– Ну что, Бельчонок, давай выпьем за еще один наш остров. Этот уже третий. Чтоб был не последний.

– Мишка.

– Да, маленькая.

– Я тебе говорила, что я тебя люблю?

– Не помню такого.

– Вот говорю. Сейчас.

Михаил заметил, что художник направляется к ним, принял осанистый вид и стал судорожно вспоминать английские фразы для комплимента. Ничего, кроме бьютифул, в голову никак не приходило. Художник подошел прямо к ним и слегка склонил голову. «Добрый вечер», – сказал он по-русски.

– Хау ду ю ду..., – начал Мишка и осекся.

– Это вот Миша мой.

– Рад, что вы смогли прийти.

– Очень красивая картина получилась.

– Ваше одобрение для меня – высшая награда. Вы не могли бы оказать мне честь и сфотографироваться со мной у картины?

– Конечно.

Художник подставил руку, Белка продела в нее свою, и они подошли к картине. Люди бурно захлопали и стали клацать камерами. Михаил допил вино, поставил бокал на столик, достал смартфон и поспешил протиснуться вперед. Белка порозовела, немного улыбалась, сгибала одну ногу и выставляла ее коленом вперед, потом наклонилась к художнику и что-то ему сказала. Тот кивнул, Белка подошла к Михаилу, забрала у него телефон, взяла его под руку, подвела к картине и протянула художнику смартфон; тот отошел и сделал несколько снимков. Потом Белка позировала одна у картины, мигали вспышки, все хлопали, раздавался звон бокалов, обстановка стала более непринужденной, зал заполнился гулом голосов.

Они вдвоем опять оказались рядом с художником. Тот обратился к Белке.

– Я покорно прошу Вашего разрешения разместить Ваше фото у картины в моем каталоге.

– Ты не возражаешь, Миша?

– Нееет! Что за вопрос! Это же будет круто! А Вы не могли бы нам прислать экземпляр? С автографом.

– Всенепременно.

– Ну класс! Вы такой талантливый художник! Я это сразу понял, как только вошел. Все Ваши картины... ну, они такие...

– Благодарю Вас от всей души. За все. Это незабвенный для меня день.

– Да! Такой день! И начался так! Незабвенно. И вот сейчас... А шампанского больше нет?

– Миша. Нам пора.

– Ладно, как скажешь, Бельчонок. А Вы в фейсбуке есть?

– Конечно.

– Ну отлично! Будем друзьями! Успехов Вам!

Художник молча поклонился, потом склонился у Белке, поцеловал ей руку, еще раз кивнул Михаилу и вернулся к гостям.

Они вышли из музея, и Михаил закурил.

– Какой классный дядька! Как здорово все получилось! Да?

– Да, Мишунчик. Пошли есть?

– Да! Я голодный, как пират после долгого плавания! Быка бы съел. Ну или хотя бы бифштекс.

Они сидели на террасе маленького ресторанчика, Белка была молчалива, отпивала маленькими глотками красное вино, не забывая демонстрировать ноги, Михаил кромсал ножом огромный кусок мяса с кровью, со вкусом запивая его вином.

– Ух, я наелся! А ты что-то не очень-то и ела.

– Не хочу быть похожа на твой символ.

– Да брось! Давай возьмем тебе что-нибудь вкусенькое. Хочешь торт с вишенкой?

– У меня платье, Миша.

– Ты из-за сумки расстроилась? Такая ерунда. Купим завтра. Три.

– Спасибо, родной. Давай пройдемся потихоньку. Хочется снять уже эти шпильки.

– Зато ты у картины так классно получилась!

– Ты думаешь?

– Ну конечно!

– Ну и хорошо.

В номере Михаил прошел на террасу, закурил и стал рассматривать фотографии с выставки. Палец сам нажал «поделиться в». Он вернулся в комнату. Девушка сидела в кресле босиком, но не сняв платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.